

«СОВЕТСКИЙ» СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Власть большие надежды возлагала на философию как средство интеллектуальной политизации и идеологического влияния. В.И. Ленин говорил, что «новейшая философия так же партийна, как две тысячи лет тому назад». Он весьма определенно выразил то, что заложено в существе марксизма – философия как мировоззрение отражает интересы определенного класса, и «нейтральной» философии нет. Поэтому члены новой доминирующей марксистской парадигмы, которая только зарождалась в 20-е годы, осознанно формировали её отличной от буржуазной философии. Причем это отличие должно быть не только в содержательном аспекте, но и в формальном – в способе получения и представления результатов философствования. Поэтому система критериев, с которыми следует подходить к оценке творчества советского философа, стала предметом осмысления.

В течение 20-х годов принцип партийности применялся как подход, позволяющий найти правильный ракурс рассмотрения теоретической или историко-философской проблемы. В анализе философских работ в этот период чаще применялась система оценок, включающая репрезентативность, историческую востребованность, аргументированность, оригинальность. Правда, понимание этих критериев было сужено по сравнению с дореволюционным периодом. Если ранее критерий репрезентативности предполагал знание автором всей философской традиции, умение оценивать современный философский контекст, то для советского философа он означал знание в первую очередь социалистической и марксистской мысли. Подозрение как раз вызывали те авторы, которые проявляли излишнюю осведомленность в том, что было за пределами марксистской традиции.

Критерий оригинальности понимался не как принципиальная новизна, самостоятельность, а как нахождение нового ракурса, нового смысла в рамках марксистско-ленинских идей. Заявка автора на принципиальную оригинальность вызывала резко отрицательное отношение. «Не раз и не два партия предупреждала уклоны в сторону от пролетарской линии благодаря тому, что блюла – пусть над этим сколько угодно смеются мещане всех сортов и рангов – свою марксистскую чистоту. ...Между тем находятся «оригиналы», для которых этот партийный закон отнюдь не писан. К числу таких оригиналов в первую очередь принадлежит Э. Енчмен... Перспектива заменить все науки «пятнадцатью анализаторами», видимо, нравится определенным прослойкам внутри нашей партии. Вот тут-то и кроется опасность, которая видна особенно ясно, если понять социальную обусловленность этого чудовищного идеологического искривления»¹.

Историческая востребованность превратилась в практическую значимость и пользу для дела революционного строительства или значения идеи для

¹ Бухарин Н.И. Ечмениада // Атака. М., 1924. с. 128.

формирования и развития единственно верной, исторически прогрессивной марксистской философии. Аргументированность по-прежнему предполагала логическую обоснованность и внутреннюю связь входящих в концепцию положений.

Ситуация изменяется в 1929-1931 году, когда борьба между группами в философии перешла с философских дискуссий на политический уровень. Обычные аргументы и доказательства перестали действовать, всё заменил принцип партийности. «Одним из важнейших моментов, свидетельствующих о непонимании нашими философскими «маэстро» партийности философии, является непонимание ими роли партии и её ЦК не только как практического, но и теоретического центра. Они не понимают того, что партийная политика, решение съездов и ЦК партии есть подлинно ленинская диалектика, истинно диалектический синтез революционной теории и революционной практики»¹.

Против такой вульгаризации принципа партийности выступили деборинцы. Я.Э. Стэн неоднократно доказывал, что можно говорить о политике в области философии, но «нельзя рассматривать философию как частную форму политики». Н.Н. Карев заявлял, что философия должна формулировать общие синтетические задачи, улавливать общие направления научного и теоретического развития, а «не успевать делать всё за всех»². М.Б. Митин не мог отрицать, что философия своеобразна по отношению к политике, но на практике это верное теоретическое положение, заявлял он, у разных уклонистов превращается в недооценку роли ЦК. Он обвинял Я.Э. Стэна и Н.Н. Карева в антипартийности, абстрактности, академичности: «Антипартийность этого определения состоит в том, что так называемое философское руководство, в замкнутости своей «школки», забыло, что единственным руководящим теоретическим и практическим центром является партия и её Центральный Комитет... Своеобразие ленинизма состоит в том, что он создал такое руководство партией, которое является подлинным диалектическим синтезом теории и практики, теории и политики, теории и организации, теории и тактики»³.

В результате принцип партийности стал средством политической борьбы со всем, что на данный момент попадало под несоответствие практике социалистического строительства. Вульгаризаторский социологизм стал господствовать в оценках как философской традиции, так и современной ситуации. Принцип партийности требовал «разоблачить» классовые корни философских систем, все идеалистические учения объявлялись реакционными, а материалистические – прогрессивными. Проявление принципа партийности состояло и в постоянных ссылках на классиков. Для обоснования своей точки зрения становится достаточным сослаться на канонический текст классиков марксизма-ленинизма. От верности интерпретации цитаты зависело, будет ли признано репрезентативным теоретическое положение.

¹ Юдин П. Некоторые итоги философской дискуссии // Правда. 1930. 18 окт.

² Карев Н. Выступление на заседании президиума КомАкадемии // Разногласия на философском фронте. М.-Л., 1931. С. 159.

³ Митин М. К вопросу о партийности философии // Революция и культура. 1930. № 19-20. С. 36.

Складывается особая система критериев оценки философского творчества. Истина, в сущности, была известна и не нуждалась в доказательстве. Был продекларирован отказ от академичности, объективности, аргументированности. «Борьба на поле истории философии – её продолжение, элемент общей социальной борьбы классов и партий. История философии партийна. «Беспартийная» история философии, кичащаяся своим «объективизмом», есть разновидность враждебной пролетариату партийности, особая манера проносить партийность сквозь историю философии, совершенно аналогичная «бесклассовому» государству, праву, морали, искусству. Буржуазная партийность в философии есть неизбежно извращение истории философии, фальсификация её, в соответствии с интересами класса, представляемого идеализмом, в то время как большевистская партийность требует борьбы с извращениями и идеалистическими натяжками в истории философии, борьбы за адекватное познание развития идей таким, каково оно есть. Но партийность ни в какой мере не ущербляет объективности познания. Напротив, как показывает Ленин, она способствует углублению объективности, идет рука об руку с ней»¹.

Критерий критичности доводится до гипертрофически абсурдного вида и превращается в требование тотальной самокритики и покаяния, особенно у философа, чьи идеи подверглись критике «бдительных товарищей». Пример того, как следует признавать свои ошибки, показал А.М. Деборин в своем заключительном слове на заседании Президиума КомАкадемии 20 октября 1930 года: «Переходя к ошибкам так называемого «философского руководства», я должен начать прежде всего со своего содоклада. Мой содоклад я считаю ошибкой... Суть дела заключается в том, насколько наша философская линия в прошлом была связана с актуальными задачами, с актуальными вопросами, которые выдвигаются партией, и каково было наше участие в боевой защите генеральной линии партии»².

Когда начался очередной передел власти в философском истеблишменте в 1944-1947 годах, вновь была разыграна карта «принципа партийности», и вновь активно обсуждались критерии, которым должно соответствовать творчество советского философа. В центре дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии» стоял вопрос о ленинском принципе партийности философии. А.А. Жданов в своём выступлении на дискуссии подверг критике проповедь «беззубого вегетарианства» по отношению к философским противникам марксизма, возрождение «профессорского квазиобъективизма», который пронизывает всё содержание книги Г.Ф. Александрова. А.А. Жданова особенно возмутило, что почти о всех старых философах Г.Ф. Александров находил случай сказать доброе слово. Чем крупнее буржуазный философ, тем больше «фимиама ему преподносят». Был сделан вывод, что Г.Ф. Александров, сам того не подозревая, оказывался в плену буржуазных ис-

¹ *Быховский Б.* Ленин и некоторые вопросы истории философии // Под знаменем марксизма. 1931. № 1. С. 60-61.

² *Деборин А.* Содоклад на заседании Президиума КомАкадемии 17 октября 1930 г. // Разногласия на философском фронте. М.-Л., 1931. С. 256.

ториков философии, которые исходят из того, чтобы в каждом философе видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уже противника. Такой подход, по мнению А.А. Жданова, если бы они получил развитие в Советском союзе, неизбежно привел бы к объективизму, то есть к раболепию перед буржуазными философами и преувеличению их заслуг, к лишению советской философии боевого наступательного духа. Грех Г.Ф. Александрова виделся в том, что он вел изложение философских взглядов абстрактно, объективистски, нейтрально. Эта тенденция была определена как отход от принципов марксистской философии и, в частности, принципа партийности.

Во всех дискуссиях, рецензиях и обсуждениях книг реализовывалась эта весьма специфическая, «советская» шкала оценки философского творчества, в которой главным был принцип партийности. Например, В Институте философии Академии наук СССР в январе 1948 года под председательством директора института Г.Ф. Александрова было организовано обсуждение книги Б.М. Кедрова «Энгельс и естествознание». В обсуждении участвовало большое количество философов, естественников, и оно носило показательный характер. Перед началом обсуждения Б.М. Кедров кратко изложил содержание и основную идею книги, состоящую в том, чтобы показать на материале естествознания подготовку и развитие марксистского диалектического метода. В порядке самокритики он признал, что неправильно применил в книге термины, в частности, «границы природы», «границы познания».

Самыми жесткими критиками были А.А. Максимов, З.Я. Белецкий, которые виртуозно использовали «советскую» систему критериев философствования. А.А. Максимов повторил отрицательную оценку книги, данную им в рецензии, опубликованной в газете «Культура и жизнь». По мнению А.А. Максимова, книга Б.М. Кедрова порочна в главнейших своих частях и содержит ряд частных ошибок. Основные пороки книги – эклектичность, софистика, схоластика, метафизичность, отход от марксистско-ленинской партийности, примиренчество к буржуазным воззрениям. Отдельные положительные стороны книги не меняют её общей отрицательной оценки. Его поддержал З.Я. Белецкий, заявивший, что книга Б.М. Кедрова является незамаскированным изложением философии естествознания на основе гегелевской логики и натурфилософии

Тем не менее, большинство выступавших на дискуссии естественников и философов, отметив ряд существенных недостатков книги, оценили её как положительное явление в советской философской литературе. Было отмечено, что книга Б.М. Кедрова даёт систематическое и оригинальное изложение естественно-научных отрывков «Диалектики природы» Энгельса. В прениях указали на творческую разработку в книге Б.М. Кедрова таких вопросов, как вопрос о «соотношении неточностей» в квантовой механике, проблема классификации наук.

Из высказанных замечаний уточняющего характера, имеющих научный смысл, стоит упомянуть Д.И. Блохинцева, указавшего на наличие в книге ряда неточных и двусмысленных формулировок, например, в вопросе о так называемых «границах познания». Кроме того, Б.М. Кедрову, в свете борьбы с космополитизмом, вменяли недооценку роли и значения русских учёных в развитии

науки и философского мышления (Г.С. Васецкий). В порядке прений выступил акад. Г.Ф. Александров, который нашел книгу аполитичной и догматичной.

В своём заключительном слове Б.М. Кедров согласился с частью высказанных критических замечаний. По ряду вопросов он возражал своим оппонентам. В частности, он считал правильной данную им философскую интерпретацию «соотношения неточностей», подчёркивая, что его постановка вопроса, сохраняя физическое содержание теории Гейзенберга, позволяет полностью отметить агностические выводы из неё, преподносимые идеалистами. Автор признал, что недостаточно подробное и ясное изложение им вопроса о месте диалектики в общей классификации наук привело к недоразумениям. Б.М. Кедров протестовал против недобросовестного способа изложения его взглядов А.А. Максимовым, который умышленно опускает то, что сказано в книге, и приписывает автору то, чего в книге нет.

Несмотря на ряд очень неприятных и опасных замечаний, Б.М. Кедрову удалось достаточно легко выйти из этого обсуждения, потому что естественники и философы, принимавшие участие в дискуссии, его поддержали. Но так было далеко не всегда, и авторам приходилось мучительно каяться в порядке самокритики в тех ошибках, которые они якобы допустили.

Подобная ситуация не могла не отразиться на качестве философских работ. В 1948 году появилась статья М.Д. Каммари «О недостатках диссертаций по историческому материализму», в которой отмечены наиболее часто встречающиеся недостатки диссертационных работ. Естественно, что на его позиции сказались итоги дискуссии 1947 года, что определило выбор фокуса рассмотрения диссертаций. М.Д. Каммари в качестве двух основных бед диссертационных исследований называет или схематизм, связанный с оторванностью от практики, или описательность, связанную с отсутствием теоретических обобщений.

Первым недостатком работ названа тенденция в сторону догматизма, схоластики, цитатничества. Диссертанты пытаются делать свои выводы не из анализа живой действительности, а путём всяких сомнительных аналогий и параллелей¹. М.Д. Каммари отмечал, что на почве такого абстрактно-схоластического подхода к вопросам теории неизбежно вырастают различные схоластические споры. Устранить эти споры можно только путем конкретного анализа изучаемого вопроса. Для того чтобы доказать свою точку зрения, необходимо опираться не только на принципиальные соображения, но и факты. Работы диссертантов грешили неумеренным цитатничеством. Под цитатничеством понимается не наличие множества цитат или пересказываний своими словами, а такое положение, когда цитирование осуществляется механически, не понимая смысла, содержания и значения приводимых ими положений.

Второй, не менее часто встречающийся недостаток теоретических работ в области философии – это описательный характер. Факты и явления просто констатируются без анализа их источников и причин, без раскрытия их внутренней

¹ Каммари М.Д. О недостатках диссертаций по историческому материализму // Вопросы философии. 1948. № 2

и внешней взаимосвязи, не показываются движущие силы, законы развития и значение борьбы различных тенденций в развитии данного явления. Описывается, например, как происходит укрепление советского государства, но не вскрывается, почему это совершается именно так, а не иначе. Одно явление берётся рядом с другим, после другого, следовательно, как будто во времени и пространстве, но не больше. Авторы таких работ не умеют расчленивать вопросы и чётко сформулировать задачи исследования. В работах не видно никакой внутренней логики и развития мысли, плана и целеустремлённости в анализе и в изложении. Качество диссертационных исследований оставляло желать лучшего, но в условиях действия субъективизированного принципа партийности и волюнтаризма философского истеблишмента это было неизбежно.

Сложившаяся система критериев оценки результатов креативности отразилась и на требованиях, которые предъявлялись к философским работам. Дух эпохи воплотился в характере рецензий, которые по преимуществу были полемическими, критикующими и очень редко информационно-нейтральными. От философских работ, независимо от их жанра, будь это статья в энциклопедии, монография или учебник, требовалось, чтобы они служили «примером боевой партийности и целеустремлённости в освещении вопросов общественной науки, в борьбе с буржуазной, реакционной идеологией».

Система критериев оценки философских работ начинает меняться в начале 60-х годов. Это не значит, что принцип партийности исчезает, он неотделим от марксистской парадигмы. Но его истолкование утрачивает черты субъективизма, и он перестаёт играть определяющую роль в системе критериев оценки философского творчества. Точнее сказать, принцип партийности стал носить почти «ритуальный» характер, так как считалось – если философ – марксист, он всегда в своем творчестве руководствуется принципом партийности, усомниться в этом – значит, усомниться в том, что он марксист.

К 60-м годам система оценки философских работ, присущая нормально функционирующему философскому сообществу, почти восстановилась. Об этом свидетельствует изменение рецензий, которые из критических на идеологической основе превращаются в дискуссионные и информационные. В них принципиально изменяется шкала критериев оценки философских работ. Конечно, рецидивы были, и встречались ортодоксальные по своему существу рецензии, в которых основным требованием было соответствие принципу партийности, но не они определяли общий стиль советской философии.

Насколько изменилась ситуация к началу 60-х годов, проиллюстрируем рядом рецензий и отзывов этого периода. Весьма любопытной, дающей богатый материал представляется рецензия на «Вестник ЛГУ» за 1959-1960 годы. «Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии, права» был одним из периодических журналов, систематически публикующих работы по разным проблемам философии. За 1959-1960 годы в нём напечатано около 40 статей, свыше 15 кратких научных сообщений, обзоров и заметок, в которых отразилось состояние исследовательской работы на философском факультете ЛГУ. Первое сформулированное требование к философским работам состояло в соответствии их запросам жизни, что было неотделимо от связи с ленинскими

идеями и воплощением их в философии. Но при этом наметилась тенденция борьбы с цитатничеством как лучшим способом обоснования своей позиции. От цитаты даже классика требовалось, чтобы она соответствовала месту и была правильно истолкована. В философских работах приветствовалась качественная аргументированность выводов¹. Как позитивная черта отмечалась оригинальность постановки проблем и самостоятельность в их решении в ряде статей. В качестве недостатков рецензенты выделили некоторые стилистические особенности ряда статей, в частности на квазинаучность их языка. В ряде статей рецензенты обнаружили историческую некомпетентность авторов, что противоречило требованию репрезентативности «нормальной» философской работы.

Вообще в период 60-х годов количество и качество рецензий было весьма высоким. О том, что жанр рецензии был «живым», свидетельствует разнообразие типов рецензий в этот период. Много было рецензий дискуссионных, критических и информационных. Разнообразие идей, острота их обсуждения, большое число публикаций, в которых отражались результаты исследований, привлекали внимание и формировали особый интерес к рецензии, дававшей «включенное» представление о книге. Примером вдумчиво-критической рецензии, в которой высказаны соображения о принципах философской работы, является рецензия П.Т. Белова² на книгу А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова «История русской философии» (1961). В позиции рецензента еще слишком явным является идеологическая основа, которая диктует пристрастные выводы, поэтому эту рецензию нельзя назвать полемической. Но она всё же разительно отличается от тех рецензий, которые выходили в 50-е годы, так как в ней довольно сильны тенденции научного историко-логического анализа.

В 70-е и особенно 80-е годы резко уменьшается число полемических и критических рецензий. Поводом для появления критической рецензии был выход какой-нибудь вопиюще некачественной книги. Например, вот какие претензии были предъявлены к брошюре Е.Д. Диренка «О ленинском принципе партийности советской педагогики» - некомпетентность, неправильное истолкование принципа партийности.

Преобладающими в 70-е годы становятся информационные рецензии, в которых кратко пересказывается содержание. Стиль рецензий становится довольно безликим и невыразительным. Критические замечания в них, как правило, носят «ритуальный» характер и не касаются содержания. При этом происходил постоянный количественный рост профессионального сообщества, увеличивалось количество печатной продукции (появление монографий перестало быть «событием», которое привлекало внимание). В этих условиях вновь был актуализирован вопрос о критериях «нормальной», качественной философской работы.

¹ Вронский Н.И., Голованов В.Н., Потемкин А.В. Ближе к жизни! // Вопросы философии. 1961. № 7. С. 161 – 162.

² Белов П.Т. Актуальные проблемы изучения русской философии // Вопросы философии. 1962. № 11.

В результате активного рецензирования философским сообществом коллективно были сформулированы параметры, которым должен был «отвечать» философский текст. Авторы рецензий обращали внимание на такие параметры, как структура работы; методологическая разработанность подхода и привлечение диалектико-материалистического подхода; содержательная четкость и определенность понятий; актуальность подхода и проблемы; ясное изложение материала, последовательность, логичность и аргументированность; практическая полезность не только для специалистов по философии, но и других наук; осведомленность в истории проблемы; критика западных, «буржуазных» концепций.

В сущности, «нормальная» философская работа должна была отвечать тем же требованиям, что и «нормальная» научная работа. Ориентированность на научность исследования предполагала тщательную разработку методологии исследования. Основным для философа этого периода было подобрать методологию таким образом, чтобы она сочетала, во-первых, научные методы, во-вторых, включала в себя элементы марксистско-ленинского подхода, и, в-третьих, была современной, актуальной, что достигалось использованием в исследованиях новейших методов и средств анализа.

Среди методологических фаворитов в 60-70-х годах лидировали системный подход и метод моделирования, что было связано с популярностью кибернетики. Системный подход был методологическим направлением, формой рефлексии над методами науки, претендующим на выдвигание принципов и способов мышления, которым пользовались отдельные научные дисциплины. Советские философы осуществляли разработку системного подхода на базе принципов диалектического материализма. С точки зрения диалектического материализма, любая конкретно-научная концепция, на какую бы широту «картины мира» она ни претендовала, не могла «отменить» философии. Считалось, что идея целостности, сложной организованности и внутренней активности и динамизма объектов системного подхода, по сути дела, черпалась из диалектико-материалистической картины мира.

Не только интеллектуальную элиту философского сообщества волновала тема выработки критериев философствования, но и философское руководство неоднократно напоминало об этом¹. Проблема повышения качества философской работы стала предметом нескольких круглых столов: «О качестве философской литературы» (1974) и «О повышении качества эффективности философских исследований и публикаций» (1976).

Основная проблема, по мнению большинства участников этих мероприятий, состояла в недостаточности новых, свежих идей. В.И. Куценко утверждал, что эта проблема связана с «робостью» автора высказывать новые смелые идеи, которые, возможно, потребуют дальнейшей разработки, стараются ограничиться общеизвестными конструкциями, дополняя их новыми данными и примера-

¹ Трапезников С.П. Марксистско-ленинская философская наука и современность // Вопросы философии. 1973. № 8. С. 16-30.

ми. И.Т. Фролов отмечал частое появление слабых работ, «мало дающих нашей философии», основные недостатки которых – «слабая связь с практикой, с политикой нашей партии, удаленность от живых, реальных проблем науки, отсутствие настоящего, глубокого философского анализа. Как правило, такие работы представляют собой простой пересказ существующих точек зрения, разбавленный большим количеством цитат»¹. Е.С. Лихтенштейн сетовал, что информация, содержащаяся в статье, окончательно устаревает в течение примерно десяти месяцев, при этом в журналах СССР её печатают в среднем спустя полтора – два года после написания, также отмечена неэффективная система материального стимулирования авторов (гонорар выплачивается с учетом количества страниц). Б.М. Кедров отмечал, что практически нет повторных изданий, дополненных и исправленных с учетом той критики, которую получил автор после выхода первого издания.

К тому же такой эффективный механизм саморегуляции философского сообщества, как рецензирование, к середине 70-х годов стал «вырождаться», о чем беспокоились участники дискуссий. К.М. Долгов утверждал, что хорошие рецензии часто пишутся на довольно слабые работы. В.В. Соколов предлагал назначать рецензентов автора, потому что иначе тогда сам автор находит дружественных ему рецензентов. С ним соглашался Ю.В. Сачков: «Создается впечатление, что зачастую дело рецензирования отдано на откуп самим авторам, чьи книги или рукописи рецензируются»². А.И. Могилев отмечал, что аналитических рецензий почти нет: «Довольно часто в рецензиях пересказывается содержание книг, они скорее реферируются, нежели рецензируются»³.

Кроме того, перед философским сообществом 1970-х остро встала проблема непрофессионализма философов. К.М. Долгов писал, что в философской литературе не хватает философичности. Это выражается в том, что в работах слишком много эмпирических фактов, ссылок, небрежное или недостаточное использование категориального аппарата. В.В. Ильин обращал внимание на далеко не совершенный язык большинства философских исследований последних лет. Б.В. Бирюков видел причину в некомпетентности авторов, которые порой слишком увлекаются модой на новейшие «ученые слова»: «Иные авторы, смело вторгаясь в сложную и тонкую область проблем логического и кибернетического моделирования интеллектуальных процессов, проявляют поразительную неосведомленность»⁴. Каждый из участников дискуссии предлагал систему мер, которые могли бы исправить ситуацию. В.И. Сифаров считал целесообразным организовать серию методологических семинаров в Академии наук и на кафедрах вузов для решения этой проблемы. Определенную роль, по мнению Д.Ф. Козлов, должно было сыграть Философское общество СССР. В.Н. Шевченко видел решение в координации философских исследований, для чего предлагал создание реферативных обзоров по отдельным темам, по отдельным издатель-

¹ О качестве философской литературы // Вопросы философии. 1974. № 6. С. 102

² О повышении качества и эффективности философских исследований и публикаций // Вопросы философии. 1977. № 1. С. 147.

³ Там же, с. 135

⁴ Там же, с. 136.

ствам и регионам. Ж.М. Абдульдин призывал к организации круглых столов, семинаров, конференций по отдельным темам и введение философского образования в школе. К повышению практической значимости исследований призывал Ф.Г. Константинов. В.С. Готт считал, что необходимо печатать краткие статьи, излагать информацию по сути.

Таким образом, очевидно, что советское философское сообщество пыталось найти способы повысить качество работ своих членов, «запустить» механизмы саморегулирования. Отчасти это удавалось, но кризисные явления, связанные с исчерпанием оригинальной проблематики и ростом реваншистских, охранительных тенденций, задавливающих ростки свободного поиска в рамках марксистской парадигмы, всё-таки усиливались. В конечном счете, это привело к снижению творческого поиска и стагнации.

В начале 80-х годов ситуация не улучшилась. Об этом свидетельствуют те замечания, которые встречаются в материалах разных конференций и симпозиумов. В 1981 году на совещании, посвященном проблемам диалектического материализма, многие из выступавших отмечали необходимость уточнения критериев оценки философских работ. Так, Д.И. Дубровский специально остановился на этой проблеме и полагал, что к авторам надо предъявлять такие требования как: четкость постановки исследуемого вопроса, лаконичность изложения, доказательность аргументации, новизна привлекаемых материалов, формулировка полученных результатов, концептуальность решения поставленного вопроса. Необходимо развивать «подлинно товарищескую, доброжелательную полемику по дискуссионным вопросам», создать такую атмосферу творческого обсуждения. В.П. Бранский подчеркивал, что видна тенденция – очень многие работы грешат недостаточной информативностью и недостаточной логичностью. Но при всех попытках развернуть систему критериев оценки философских работ в сторону науки встречались прямо противоположные тенденции.

Подводя итоги, стоит отметить, что советское философское сообщество в 60-80-е годы выработало систему критериев оценки философского творчества, преимущественно ориентированную на сциентический идеал, что способствовало успешности развития ряда философских дисциплин. Качество философских работ в области философии естествознания, истории и философии науки, истории философии, эстетики смогло подняться до такого уровня, что эти работы были интересны мировому философскому сообществу. Причем интересны не только специалистам-советологам, но и профессионалам в этих областях. Участие советских философов в международных конгрессах, конференциях и симпозиумах, стоит признать, было вполне полноценным. Мероприятия, которые проводились на советской территории, отвечали уровню международных стандартов, по крайней мере, по качеству представления философских идей.

Работа поддержана грантом РГНФ № 14-13-73001